

Братья беседовали, когда вошла тетушка Чжоу:

— Старший господин, вы просили Му забрать с корабля морских ежей и рыбу, но вы их еще не пробовали. Может, приготовить их, пока я не убрала всё в холодильник?

Цзян Чжань повернулся к ней:

— Приносите.

Когда свежую рыбу и морских ежей вымыли, Цзян Чжань вымыл руки, надел перчатки, повязал фартук и собрался приняться за разделку.

Тетушка Чжоу поспешно запротестовала:

— Старший господин, позвольте мне, ну разве это работа для вас?

Цзян Ле рассмеялся:

— Тетушка Чжоу, вы забыли? Мой старший брат — известный в городе хирург, для него разделать рыбу — пара пустяков!

Тетушка Чжоу хлопнула себя по бедрам и расхохоталась:

— И правда, совсем голова дырявая стала! Пойду подготовлю лед. И принесу вам вина, заправленного соусом для маринования.

Цзян Ле подсел к брату и положил руку ему на плечо:

— Брат, выпьем?

Цзян Чжань обернулся, посмотрел на этого жизнерадостного юношу, приподнял бровь и улыбнулся:

— Конечно.

Цзян Ле просиял и побежал искать дядю Му, чтобы взять ключи от винного погреба. Вскоре он вернулся с целой грудой бутылок — высоких, низких, красных, белых, желтых...

Дядя Му, следовавший за ним, забеспокоился:

— Второй господин, это же Лафит 82-го года...

— Пусть пьет, — отозвался Цзян Чжань.

Услышав распоряжение, дядя Му больше не стал возражать, лишь настойчиво попросил:

— Братья, только не пейте лишнего, здоровье берегите.

Дядя Му был управляющим в доме Цзянов, а также личным водителем Цзян Шиняня. Вместе с тетусшкой Чжоу они служили семье долгие годы и любили троих детей господина Цзяна как родных.

Цзян Чжань сказал брату:

— Позови и Цзян Лин, она любит морских ежей.

— Я попросил дядю Му отвезти ее к подруге, сказал, что ее пригласили на вечеринку в честь дня рождения, побудет там пару дней. Когда у мамы настроение станет получше, я ее заберу, — отчитался Цзян Ле и налил вина сначала брату, а потом себе. Цзян Чжань кивнул.

— На следующей неделе вернутся рыболовецкие суда, я куплю побольше рыбы и ежей, приедете ко мне, поедим. А то эта девчонка узнает, что мы тут втихаря едим сашими и морских ежей, и слюной изойдет.

Цзян Ле поднял бокал, приветствуя старшего брата, на его лице сияла нескрываемая радость:

— Хорошо, брат.

— У Цзян Лин в новом учебном году выпускной класс, это самый важный этап, нельзя допустить, чтобы она сильно нервничала. Как закончатся каникулы, пусть переезжает в мою квартиру. Там рядом школа, тихо, безопасно, найму туда няню, чтобы присматривала за ней. Мы с тобой будем почаще ее навещать. Что касается учебы, похоже, у нас обоих не будет времени заниматься с ней, как раньше. Найди ей лучших репетиторов, подтяните все слабые предметы. Если нужны будут деньги — обращайся ко мне.

— Здорово! — Цзян Ле пришел в полный восторг. — А что делать с мамой?

— Я улажу, — уверенно ответил Цзян Чжань.

Цзян Ле посмотрел на брата, почесал затылок и, словно решившись на что-то важное, произнес:

— Брат, вообще-то... я тоже хочу съехать.

— Пока не стоит, мама это неправильно поймет. Я сам собираюсь пожить здесь некоторое время. Со следующей недели начни присматривать жилье, как что-то понравится — скажи мне. У тебя работа такая, что придется постоянно пропадать на интервью и репортажах, так что бери квартиру ближе к офису, будет удобнее. И завтра сходи выбери себе машину.

Цзян Ле просиял, сверкнув белоснежными зубами:

— Спасибо, брат!

Видя радость младшего, Цзян Чжань тоже улыбнулся:

— Какую машину хочешь? Давай обсудим.

— В пределах двухсот тысяч будет достаточно. Те, что дешевле ста тысяч, все-таки уступают по характеристикам.

— Второй господин дома Цзян такой скромный? — подшутил Цзян Чжань.

— Журналисту, особенно расследователю, лучше быть поскромнее.

— Ты говорил, что хочешь заниматься глубокими журналистскими расследованиями.

— Да, брат, это моя мечта. Хочу быть как знаменитый американский репортер Сеймур Херш, стать синонимом правды. Знаешь, как о нем писали в журнале Salon? Что он часто воет, как волк, проникая в самые темные уголки мира, широко открыв глаза, чтобы разглядеть всю грязь человеческой натуры. Он — нестигаемый человек, который не боится сильных мира сего и даже любит бросать им вызов, с ним вынужден считаться даже Киссинджер. Его репортажи не раз останавливали войны. Это же так грандиозно, правда, брат? Вот это настоящая крутизна!

В глазах Цзян Ле светилась надежда.

— Цзян Ле, на самом деле я бы хотел, чтобы ты пришел работать ко мне в компанию, больнице тоже нужны управленцы, — искренне сказал Цзян Чжань.

Цзян Ле рассмеялся и обнял брата за плечи:

— Брат, я во всем тебя слушаюсь, но только не в этом. Я не вынесу офисной рутины, а еще больше — не смогу видеть, как рвется на части человеческая душа за дверями операционной. Кто-то молит Бога о спасении близкого, а кто-то призывает к смерти, чтобы она поскорее пришла. Как там говорят? Отельные кровати слышали больше всего лжи и обмана, больничные стены — больше всего слез и привязанностей, а огни аэропортов видели больше всего ожиданий и печали. Разве не так, брат?

Цзян Чжань кивнул.

— Разные радости и печали, но одни и те же болезни и смерть. На самом деле больничные стены слышали молитвы куда более искренние, чем стены храмов, — философски заметил он и залпом осушил бокал бренди. — Но ты не думал о том, что правда, которую вскрывают журналисты, и та, что открывается за дверями операционной, одинаково жестоки и обнажают человеческую суть? Есть ли между ними разница?

Цзян Ле задумался:

— Если сравнивать, то разрыв в отношениях между близкими людьми мне принять труднее.

Братья переглянулись.

— Поэтому, брат, только ты сможешь приумножить наследие семьи Цзян. Я правда восхищаюсь тобой. Ты умеешь и заниматься наукой, и управлять бизнесом. Легко получил степень доктора медицины, а я... если бы ты не поддерживал меня и не заставлял учиться, я бы

вряд ли получил диплом магистра. Для меня ты — словно божество.

Цзян Чжань, казалось, уже слегка захмелел. С легкой улыбкой на губах он молча слушал брата. Цзян Ле выпил еще несколько бокалов и, не выпуская его из рук, продолжал разглагольствовать:

— Брат, твое самообладание всегда непоколебимо, а я чуть что — сразу вскакиваю, ха-ха... У тебя всегда есть решение для любой проблемы. Пока ты рядом, мы спокойны, ты — наш семейный якорь...

Цзян Ле захмелел и начал говорить бессвязно:

— Брат, мне... очень интересно... ты... скажи мне... есть ли в мире что-то, с чем ты не можешь справиться?

Цзян Чжань вдруг о чем-то вспомнил. Тень промелькнула на его лице. Он закрыл глаза и с силой постарался отогнать эту мысль.

— Брат, ну скажи, хоть что-то есть? Нет... у тебя нет! Брат, ты бог, ты мой всемогущий бог...

Цзян Ле уткнулся лицом в стол и уснул.

Цзян Чжань открыл телефон, включил итальянские оперные арии, налил себе еще бокал красного вина и стал тихонько покачивать его в руке.

<http://bllate.org/book/22321/2337497>